
На берегу в простом наряде
Полулежит во цвете лет
Один российский математик
И, слухи говорят, поэт.

Уходит роковая бледность,
И боль высокая ушла.
Приходят сухость, сытость, леность,
Обязанности и дела...

И вспоминать уже неловко
Ему на ложе из песка,
Как бился он над заголовком
И над строкой слезу пускал.

Прогулка с конем.

Сегодня с конем здесь опасно гулять.
Ступают копыта по мусору, хламу.
Травы пощипать бы - и той не видать,
И мы направляемся к универсаму.

С конем не пускают - мы дальше пойдем.
Зачем, расскажите, трава человеку?
Лишь пищи духовной мы просим вдвоем!
Поэтому движемся в библиотеку.

"Животным не велено" - надпись гласит.
Лицо моментально коня омрачилось.
Животные! Мы уже едем в такси
И делаем вид: ничего не случилось.

Мы выйдем на Красной, по центру Москвы.
Здесь Конь* подвизался на почве искусства!
А вы, москвиты, что сделали вы
На пользу стране и культурности русской?

Молчат москвиты - и мы помолчим,
Домой потрусим и за ужином честным
Услышим цикад, что играют в ночи.
И конь захрапит, убаюканный песней.

*Имеется в виду, конечно, Федор Конь, архитектор (авт.)

Я иду, уставший человек,
И мне странны звуки и движенья:
Как меняет падающий снег
Лица, силуэты, отраженья...

Холодно! И чёрная река
Подо льдами сомкнутыми скрылась.
...Но слетело слово с языка
И в тумане белом растворилось...

Что мне ждать от сумрачного дня?
Я стою на вымершем причале.
Неужели в этом жизнь моя -
В холоде, в пугающем молчанье?

Игра в одуванчики

Я вчера включил теледебаты
И увидел морду в пиджаке.
Аты-баты делают солдаты,
Держат одуванчики в руке.

Полетит по небу одуванчик,
Упадёт на город Имярек -
Уничтожен вражеский захватчик
И ещё полсотни человек!

Но он жив, зализывает раны
И коварно бороду скребёт,
Вынимает танки из кармана
И кидает танком в самолёт.

Это всё - занятные игрушки!
Пробежали выжившие в лес.
На врага по мёртвым деревушкам
Маршируют бравы ребят'ушки,
Одуванчики - наперевес.

А мы прогуливали классы,
Шатаясь возле шапито,
Над нами властвовал Пикассо
И тонкий юноша Кокто...

Мы жили старыми мирами.
В них погружаясь наугад,
Мы с умилением взирали
На современный авангард.

Подруга, мы не существуем -
Не то изящество теперь!
Медведи ходят без конвоя,
Заглядывает в окна зверь.

Они ряды свои умножат,
Тебя отыщут и меня
И мимоходом уничтожат
Во имя завтрашнего дня.

Среди лесной травы цвели нарциссы.
Нарциссов было восемьдесят пять.
Ещё деревья можно сосчитать.
Я инженер, меня волнуют числа.

Вот, предположим, под каким углом
Я должен ель направить к вертикали,
Чтоб появился на стволе разлом?
Решение зависит от деталей:

От толщины и сухости ствола.
В моем блокноте формула была.
Запомнить бы, да не доходят руки.
Жую травинку мелкую от скуки.

Финансист

С печатью гонора и лоска,
В руке сжимая Morning Post,
Идёшь по набережной броско,
Минувешь Тауэрский мост.

Автоматическая дверца
На солнце мертвенном блестит -
Страны финансовое сердце
Тебя до ночи поглотит.

Ты ночью выйдешь на свободу
Лелея в голове контракт.
Взгляни в мерцающую воду,
Смелей, банкир-аристократ!

Ведь там, несомая волнами,
Плывёт в венке из камыша
Плывёт домой, в Россию, к маме
Твоя увядшая душа.

Её, сердешную, добило
Напором банковских услуг.
Как весело с тобою было!..
Теперь же - тошно, старый друг.

Теперь ты давишься эспрессо,
Уверенный в своей судьбе.
Я лишний - утренняя пресса
Уже доставлена тебе.

Вот выходит шуба из салона,
Поправляя свежий паричок.
Вот глядит на новых аполлонов
Сгорбленный, угрюмый старичок.

Я смотрю на мир из переулка,
Знаю лица все наперечёт.
Барабанчик крутится в шкатулке -
Люди ходят, музыка течёт.

Начало зимы

Гляжу на Малую Медведицу -
И радуется душа!
Уже прохожий в гололедицу
Выделяет антраша.

Ступает с робостью несвойственной
Малыш, раскинув рукава,
И свои шубы с удовольствием
Выгуливают хозяева.

И даже ты пленён событием:
К холодному окну приник
И улыбаешься открытиям,
Некоронованный шутник!

Все печалишься, тянешь волынку,
Допевашь последний куплет...
Сам с собою болтает у рынка
Математик, в обноски одет.

Озадачен задачей новой,
Сочлененьем причудливых сфер.
Для тебя - человек незнакомый,
Обладатель похожих манер,

Он теперь в твоём теле, философ!
Говорит, улыбается - он!
Жизнь твою - карандашный набросок -
Зачеркнул да и выбросил вон.

Сижу - и вроде бы нормальный
Имею вид и деловой
И свой отчёт ежеквартальный
Пишу как будто с головой.

Но образ жизни необъятной
Меня волнует и томит,
Я наблюдаю, деликатный,
В сердцах сокрытый динамит.

Вот птичка, телом обделённая,
Летит отчаянной дугой,
Вот дева, словом побеждённая,
Ступает ласковой ногой!

И всё вокруг зовёт и значит
И мне, немотному, поёт,
Что жизнь могла пойти иначе,
Что мой не удался полёт.

Поэма Родионов в четырех частях

I.

Факультетов посетив немало,
Родионов самым умным стал
И тогда, достигнув идеала,
Родионов думать перестал.

Он лежит, как рыба золотая,
Только воздух изредка глотая,
Даже пальцем он не шевелит -
У него, понимаете ли, душа болит.

II.

А на кухне варится картофель,
За окном - заката киноварь.
Он уже похож немного в профиль
На орфографический словарь.

Ну и где вы, девы молодые?
Кто ж поэта станет утешать?
Торопитесь! Энциклопед'ии
Этот профиль будет украшать.

Но наскучил Родионов девам:
Он вздыхал и ни шиша не делал.

III.

Не поют ли устрицы по-русски,
Если в тело им втыкают нож?
Родионов сдал и на моллюска
Стал он удивительно похож.

Как желе бескостное в ракушке,
Он лежит в холодной комнатухе
И кривит от униженья рот -
Родионов сам себя грызёт.

Как же верил ты себе, мальчишка!
К буффонаде жизнь твоя свелась.
В голове - амбиции да книжки,
А у друга дочка родилась!

У сестры второй уже родился.
Ты от мира сам отгородился.

IV.

Хитроумно бисероплетенье,
За строкою тянется строка...
Все поют о новом возрожденье,
А настали средние века.

Мне б на эту мутную баланду
Наплевать да в поле убежать!
Я устал, как устают атланты,
Высоко поэзию держать.

Только в поле тишина да ветер...
Вот и ходит сумрачно за ним,
Гордый мальчик ходит по планете,
Что себя героем возомнил.

Но героев нет на мелководье.
Сам с собой затеявший войну,
Он не тонет - только лишь уходит,
Медленно уходит в глубину.

В мире животных

Я приду и включу телевизор,
Про зверей передачу включу.
На меня ты накинешься с визгом,
Я макакой в ответ закричу.

Будет битва в лесах амазонских,
Со змеёй покусается вошь...
Телевизор взревёт по-бизонски
И разгонит семейный дебош.

Грусть Родионова

Грустно Родионову поэту,
Не видать похожих на него.
Может, бродит тот похожий где-то,
Не подозревая ничего,
Что, как Родионов, скоро будет
Смехом демагогию крушить...
Впрочем, и на кой мне этот чудик -
Сам себя сумел я рассмешить.

Однокурснику

Когда твой облик человеческий
Утерян был за пиджаком,
На кооперативной встрече
Увидел ты её с высоким каблуком.

Любовь не спрятать под одеждой!
Не расколоть её гранит...
И ты бредёшь, распахивая вежды,
Откинув голову в зенит,

И плачешь, плачешь без остатка,
Не принимая этот мир!..
Без пиджака ты гол, как куропатка,
Смешной, испуганный банкир!

В небесах ни царапинки нынче
Как тромбоны, коты голоса
О, мой друг, ты опять на больничном
И уже, как матрас, полосат!

Удила ты грызёшь, непоседа
И печально тромбонишь в платок
Выходи уже, мученик бледный
Прерывай уже мой монолог.

Печать

Недавно стал я замечать:
На мне поэзии печать.
Не изменились вроде бы детали.
Всё те же уши. Тот же рот.
Бровей задумчивый полёт.
Но в новом, смелом сочетаньи!

Лобзанье

Ветви томно ворковали,
Пробуждённые весной...
А в беседке... Помнишь, Зина!
Мы лобзались с тобой...

Мы лобзались беззаботно,
И в блаженном забытии
Я лобзал, лобзал безумно
Ручки зябкие твои...

Зина, помнишь, как твой лобик
Я лобзнул едва, чуть-чуть...
Как волнительно вздымалась
Твоя взлобзанная грудь!..

Как тебя, залив слезами,
На прощанье лобзанул?
Заклинаю, Зинаида,
Нашу не забудь весну!

Мелкая неприятность

Вы на машине проезжали,
Мне испоганили пальто,
Но я на вас не обижаюсь,
Ведь я поэт, а вы ничто.

Вот и поговорили

С друзьями я старинными
Недавно повстречался:
Все сделались мужчинами,
А я собой остался.

Холодильник

Мой мир взлетел на воздух!
Однажды поутру
Мой холодильник создал
Озонную дыру!

Ревела басом кошка
В убийственных лучах,
А фикус на окошке
Давно уже зачах.

Смышлёные соседи
В квартирах прибрались:
Не каждый день в подъезде
Глобальный катаклизм!

Примчали из Гринписа
И Красного Креста:
Нагроможденье лысин,
Большая суета.

Всемирные конгрессы!
Вопят профессора!
До дыр затёрта в прессе
Озонная дыра!

Мой холодильник - гений,
Могучий и стальной!
Вот символ поколенья!
Вот подлинный герой!

Вечер молодой поэзии

Вошёл я, весь отполирован,
В благоухание имён,
И воздух был наверлиброван,
От многоточий увлажнён.

Сменялись лица незаметно -
И к бормотанию глухи,
Взрывали зал аплодисменты
И Родионова стихи.

* * *

А ты по комнате порхала,
Приёмник арию басил.
"Ты убери свои порхала!" -
Я деликатно попросил.

"Порхала думать мне мешают,
Я не хочу ненужных ссор!"
И выла улица большая
Под музыку несмазанных рессор.

В ресторане

Ты с шевелюрой, как восторг,
Пришла на ужин.
Я допотопный вой исторг,
Твоим великолепием контужен.

Вскочил, прибрался за столом,
Застыл в пронзительном поклоне...
Но ты прошла, лишь помавав крылом,
До слёз меня облаговонив.

Самый замечательный

Осматривал свою персону
Я в зеркале с пристрастием:
И уши не того фасона,
И на носу - несчастье.

Но грусти нет, и не страшна мне
Ехидность злопыхателей,
Ведь знаю точно, что у мамы
Я самый замечательный!

Остановка

Причёски нежная косматость
Загородила мне обзор.
Как конь, подрагивает транспорт,
Блестит подстриженный газон -

Все одуванчики срубили!
И рвутся вдаль автомобили,
А на бульваре, словно царь,
Лобзает девушку лобзарь.

Возвращение

Первоклашка сабельку волочит.
Горек день рождения восьмой:
Он не спал и ждал до поздней ночи,
Только папа не пришел домой.

Тот валялся где-нибудь в канаве
С синим и безрадостным лицом.
Мальчик плачет, обещая маме
Никогда не говорить с отцом...

Но теперь ты вырос, чужестранец,
Ты глядишь уверенно и зло.
Белоручка, бронзовый румянец,
Что ж тебя обратно привело?

Свое место занимал по праву,
Лучшей доли не могло и быть...
Неужели стало не по нраву
Никого не ждать и не любить?

Обманула пресная Европа:
Благочинность, стриженный лужок...
Ты вернулся, мальчик-недотрога,
Чтобы старый получить должок.

Ты вернулся, лёгок и изящен,
Но с душою едкой, словно дым,
Чтобы стать, как прежде, настоящим,
Чтобы стать хоть где-нибудь своим.

Что поверить надтреснутой лире?
За окном не видать ничего.
Вот соседа убили в квартире,
А мы даже не знали его.

Говорят, одиноких не любят,
Да и мало ли разных смертей...
Но какие-то темные люди
Появились у нас через день,

Заселили пустую жилплощадь,
Закатили пирушку горой...
Промолчать - безопасней и проще,
Глазки выплать, а ушки - закрой.

Гулял однажды на природе я
В одном изнеженном краю,
И вдруг нашла тоска по родине
На душу хладную мою.

Рисую на дорожке палочкой,
Я вспомнил, сидя на песке,
Как ходят чёрные вразвалочку
В моём культурном городке,

Как я в слезах учился музыке,
Послушный, безответный сын,
Как постоянно рылся в мусорке
Мой дед у входа в магазин.

Я перешёл дорожку узкую
Под небом, полным синевы.
Пора бы дурость эту русскую
Мне выбросить из головы.